Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания¹

Schreider Yu. A. Human reflection and two systems of ethical consciousness

Институт проблем передачи информации Академии наук СССР, Москва, СССР

Републикация статьи Ю.А. Шрейдера, в которой он комментирует известный текст В.А. Лефевра, посвященный двум этическим системам, и излагает свои представления о решении фундаментальных проблем этики. Мы постарались в максимальной степени сохранить неизменным как авторский текст, так и его журнальное оформление.

Ключевые слова: структура рефлексии, рефлексия второго ранга, первая этическая система, вторая этическая система, В.А. Лефевр

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Вопросы философии» (1990, No. 7). Публикуется с разрешения правообладателя – журнала «Вопросы философии».

Математическое моделирование ментальных действий до сих пор охватывало две полярные области: дискурсивные рассуждения (сфера формальной логики) и непосредственные реакции с адаптацией (бихевиористские модели). Мне кажется, что В.А. Лефевр оказался первооткрывателем новой области математического моделирования: структуры рефлексии. Традиционно рефлексия понималась как сознательное отслеживание и анализ собственной мысли. Тем более неожиданно выглядит результат Лефевра о существовании «рефлексивного компьютера», автоматически осуществляющего рефлексии переживаний и оценок до второго уровня. Я бы сказал, что правомерно говорить об открытии наличия такого «рефлексивного компьютера» в человеческом сознании. Описание рефлексии подразумевает, что субъект A , чью ментальную структуру мы исследуем, изображен двумя символическими элементами собственно субъект и «планшет сознания», в котором помещается то, как субъект видит мир, т.е. плоское изображение Z (рис. 1).

Рис. 1. Субъект A с «планшетом»

Таким образом, появляется рефлексивная структура, в которой субъект A (или рефлексивная система) обладает планшетом сознания, на котором представлена его картина действительности. В нее, в частности, могут входить он сам, другие субъекты, а также воображаемые им предметы и ситуации. Символически такая структура субъекта A выражается формулой $A = a_0^Z$, где a_0 – субъект как он есть (каким его может видеть «абсолютный наблюдатель»), а Z –

то, что находится в его воображении. Рефлексия здесь рассматривается как имманентное свойство «отображения», а содержание рефлексии субъекта может включать самого субъекта с его рефлексией. Так возникают рефлексивные структуры вида $A = a_0^{a_1^Z}$, где a_1 , – представление субъекта о нем самом, Z – представление субъекта о собственной мысли – рефлексия второго ранга (рис. 2).

Таким образом, возникает новый предмет изучения: рефлексивная система, обладающая некоторой структурой рефлексии.

Впервые понятие планшета, изображаемого картинкой, на которой человек видит самого себя и других, появилось в статье Лефевра, по планированию действий коллектива².

Рис. 2. Рефлексивная структура второго ранга

Алгебраическое представление структуры рефлексии³, которое было введено позднее, позволило расширить само понятие рефлексии, включив в него знание о том, как человек осознает (оценивает) свои намерения свою оценку этих намерений. Такое расширение позволило не только включить в предмет исследования структуру этических оценок и самооценок, но и установить теоретически существование двух мыслимых этических систем, которое удалось подтвердить очень интересными экспериментальными исследованиями. Попробуем проследить, как это вытекает из формальной схемы.

² Лефевр В. А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследованиях. // В сб.: Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., 1965. С. 61-68.

³ Lefebvre A. Algebra of conscience, Dordrecht-Holland. D. Reidel Publisher. 1982.

Выражения указанного типа можно использовать с тем же успехом для характеристики структуры этической рефлексии. Мы примем, что существует некий (выходящий за рамки модели) способ оценивать интенции и поступки субъекта как позитивные или негативные. Отрицательная оценка субъектом самого себя означает наличие у этого субъекта импульсов вины. Отрицательная оценка партнера означает чувство осуждения последнего.

В выражении $a_0^{a_1}$ символ a_0 – это интенция субъекта A , которую он сам не ощущает, а символ a_1 – интенция образа себя, переводящая исходную интенцию в действие (поведение). Выражение $a_0^{a_1^{a_2}}$ это действие образа, которое наблюдает внешний наблюдатель. Выражение в показателе $a_1^{a_2}$ есть поведение наблюдаемого индивида – это и есть переживание субъекта. Символ a_2 есть представление субъекта о том, как он представляет (оценивает) собственные интенции, то есть его знание о своих переживаниях. Итак, мы имеем три этажа: действие – переживание – знание о переживаниях. Оценки соответствующих действий и переживаний обозначаются символами 0 (негативная) и 1 (позитивная оценка). Очень важную роль играет рефлексивная структура вида

$$U = a_0^{a_1^{a_2 * b_2} * b_1^{a_3 * b_3}},$$

при которой субъект A представляет себе комбинацию самого себя субъекта B , как видящих комбинацию обоих субъектов. Здесь a_2 и b_2 образы субъектов на образе планшета A , соответственно, a_3 и b_3 – образы этих субъектов на образе A планшета B .

Если выражение Z (в частности, отдельный символ) получает оценку 1 (соответственно, 0), то мы будем записывать это как $Z = 1$ (соответственно, $Z = 0$).

Оценка выражения является булевой функцией от оценок входящих в него символов. Эта функция строится следующим образом. Степенное выражение a^Z имеет значение 0 только в том случае, когда $Z = 1$ и $a = 0$. Во всех остальных случаях $a^Z = 1$. Это значит, что степенное выражение равносильно импликации в обычной алгебре логики:

$$a^Z = Z \rightarrow a.$$

Однако еще удобнее сопоставлять степенное выражение не с алгеброй логики, а с обычной арифметикой. Возведение числа в первую степень не меняет число: $1^1 = 1$ и $0^1 = 0$. Кроме того, известно, что любое ненулевое число в нулевой степени равно единице. Поэтому $1^0 = 1$. Выражение 0^0 в обычной арифметике не определено, но мы условимся считать, что $0^0 = 1$.

Обсудим теперь содержательный смысл введенных соглашений об оценках степенных выражений, ибо в них коренится если не весь секрет основного результата, то его значительная часть.

Оценка $a^0 = 0$ означает, что у субъекта A возникают негативные интенции, а оценка $a^0 = 1$ – интенция совершить позитивное действие. Оценка рефлексивной структуры 1^1 означает, что субъект имеет позитивные интенции и не испытывает чувства вины. Тем самым он не реализует негативных действий и его поведение позитивно: $1^1 = 1$. Оценка 0^1 означает, что субъект не испытывает чувства вины за отрицательные интенции и совершает негативное действие: $0^1 = 0$. Оценка $0^0 = 1$ означает, что субъект испытывает вину и не реализует негативную интенцию, то есть в целом он может быть оценен позитивно. Наконец, $1^0 = 1$ означает, что субъект испытывает чувство вины при отсутствии негативных интенций, но при этом негативных действий не совершает ввиду отсутствия побуждений к ним. Эти рассуждения показывают целесообразность использования степенных выражений для описания рефлексивной структуры. Логика вычисления оценок этой структуры может быть выведена из очень естественных предположений о свойствах функции оценки, которые будут далее приведены. В этих правилах оценки реализуется принцип, выраженный евангельской притчей о фарисее и мытаре: «всякий возвышающий сам себя унижен будет и унижающий себя возвысится» (Лука, 18:9–14).

Рассмотрим теперь более сложное выражение

$$A_0 = a_0^{a_1^{a_2}}.$$

В нем показатель $A_1 = a_1^{a_2}$ есть образ субъекта A в его представлении. Оценка $A_1 = 0$ означает, что субъект A оценивает своё поведение как негативное, наоборот $A_1 = 1$ означает, что субъект оценивает себя положительно. Показатель a_2 есть представление субъекта A о том, как он себя оценивает. Оценка $a_2 = 0$ означает, что субъект считает свою самооценку негативной. В этом случае $a_1^{a_2} = 1$ независимо от оценки a_1 , а при $a_0 = 0$ получаем $A_0 = 0$.

Иначе говоря, субъект, испытывающий дурные импульсы, но полагающий себя «кающимся грешником», объективно оказывается грешником. Здесь мы имеем дело с началом парадокса о кающемся грешнике, аналогичного парадоксу лжеца⁴. Этот парадокс состоит в том, что, осознавая на некотором уровне рефлексии себя грешником, человек освобождается от греха, но на следующем уровне рефлексии он видит себя уже освобождённым от греха за счет осознания

⁴ Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Прагматика притчи. – Философские науки, No. 9, 1989.

и тем самым опять превращается в грешника. В упомянутой статье разрешение этого парадокса (и выход из дурной бесконечности) в том, что осознание греха не снимает его здесь и теперь, но открывает возможность освобождения в иной размерности бытия. В.А. Лефевр избегает дурной бесконечности за счет априорного ограничения уровня рефлексии.

Его интересует рефлексия не выше 2-го ранга: a_1 – мысль субъекта о себе (оценка себя с точки зрения наличия или отсутствия негативных интенций) и a_2 – мысль (представление) о том, как субъект оценивает себя. При этом значение $A_1 = a_1^{a_2}$ – это оценка субъектом себя с учетом его представления о самом себе.

Важная идея Лефевра состоит в том, что оценка субъектом себя и ощущение этой оценки как негативной или позитивной осуществляются без усилий сознания. Механизмы этих оценок работают автоматически как встроенный в психику человека рефлексивный компьютер. В результате интуитивное решение возникает во взаимодействии неосознаваемого нижнего этажа a_0 и осознаваемого содержимого планшетов (выражения в показателе) первых двух уровней. Более высокие уровни рефлексии (самооценки) требуют отнюдь не автоматических усилий сознания – здесь возникает феномен свободной воли, который не может быть описан как психический механизм. Обсуждение этого феномена можно вести лишь на уровне метатеоретических рассуждений, а не строго научных моделей.

Теперь разберемся, как оценивать комбинации $X * U$ ситуаций на планшете. Для этого выражение $X * U$ следует проинтерпретировать как операцию над булевыми величинами. Ясно, что эта операция должна быть симметричной (обе переменные должны в ней играть одинаковую роль) и монотонной (повышение оценки одной из величин не должно приводить к уменьшению оценки результата). Разбирая возможные варианты таблиц истинности для такой операции, мы легко получим, что имеются всего четыре возможности: две константы (результат тождественно равен нулю или единице), конъюнкция (логическое умножение) и дизъюнкция (логическое сложение). Первые две возможности явно неинтересны, так что рассматривать нужно лишь две последние. После того как мы примем соглашение об интерпретации знака $*$, любое выражение U , описывающее структуру рефлексии, может быть оценено на основании входящих в него исходных переменных. Эта оценка выражается как булева функция от оценок этих переменных. Теперь мы можем ввести понятие статуса выражения U как относительной доли комбинаций оценок переменных, при которых $U = 1$. Для иллюстрации вычислим статус выражения

$$U = a_0^{a_1^{a_2}}$$

Рассмотрим всевозможные комбинации оценок для величин a_i и выражения U :

a_0	1	1	1	1	0	0	0	0
a_1	1	0	1	0	1	0	1	0
a_2	1	1	0	0	1	1	0	0
U	1	1	1	1	0	1	0	0

Имеется ровно пять комбинаций оценок, при которых $U = 1$, а общее их количество равно 8. Итак, статус этого выражения $|U| = 5/8 = 0,625$. Появление в теории этой и некоторых других констант аналогичного происхождения дает возможность предсказания исходов некоторых экспериментов и тем самым верификации предложенной модели.

Понятие статуса позволяет давать предсказания статистического характера о частоте позитивных и негативных решений. Здесь очень важны эксперименты, когда субъект оценивает объекты из некоего класса как «хорошие» или «плохие» (красивые или некрасивые, добрые или злые, приятные или неприятные и т.п.) при отсутствии объективных критериев. В сущности, субъект лишь полагает их хорошими или плохими (назначает их таковыми). Фактически субъект творит реальность, хотя сам думает, что только отражает ее объективные свойства. Такие эксперименты были проведены, например, с набором из пар цветных горошин, по-разному расположенных в поле зрения, и привели к указанной константе.

Далее можно ввести вероятности оценки величин a_i : нулями или единицами и определить статус выражения U как вероятность его позитивной оценки. С помощью этой техники удастся показать, как из рефлексивной структуры возникают «золотое сечение» или музыкальные интервалы. Описать эту технику можно лишь путем углубления в математические детали⁵. Особенно тонкие результаты были получены в связи с объяснением набора натуральных музыкальных интервалов, связанного с переживанием собственных эстетических ощущений⁶.

Понятие статуса имеет принципиальный характер. Оно позволяет перенести внимание исследователя с изучения отдельных оценок на анализ самой функции, характеризующей рефлексивную структуру.

⁵ Lefebvre V. The Fundamental Structures of Human Reflexion. The Structure of Human Reflexion: The Reflexional Psychology of Vladimir Lefebvre. Peter Lang Publishing, 1990. p. 37-38.

⁶ Lefebvre V. McClain's circle and Plato's harp. Journal of Social and Biological Structure, V. 12, 1989, p. 73-81.

Более того, понятие статуса дает возможность обосновать представление оценки рефлексивной структуры a_z как логической импликации $Z \rightarrow a$. Ясно, что оценка a_z является булевой функцией от оценок символов a и Z . В.А. Лефевр показал, что импликация является единственной из 16 существующих булевых функций двух переменных, для которой выполняются два естественных неравенства для статусов:

$$|a^a| > |a^{\bar{a}}| \text{ и } |a^{a\bar{a}}| > |a^{\bar{a}\bar{a}}|$$

Смысл первого из них в том, что статус субъекта, имеющего верное представление о себе, выше, чем статус субъекта с неверным представлением о себе. Смысл второго в том, что субъект, осознающий свое верное представление о себе как неверное, превосходит по статусу субъекта, считающего неверным свое неверное представление о себе. Естественное требование для статусов $|a^{a*b}| > |a^{\bar{a}*b}|$ приводит к тому, что $*$ может интерпретироваться только как логическое умножение или сложение.

Наконец, мы подошли к тому месту наших рассуждений, когда уже все готово, чтобы формально определить две этические системы. Но сначала приведем притчу, поясняющую необходимость этого определения.

«Давайте на минуту забудем о реальных людях и реальных проблемах и проведем мысленный эксперимент. Представим себе игрушечный замок, в котором живет бумажный человечек со своими бумажными друзьями. Неожиданно к замку приближается дракон с человеческим лицом. Бумажный человечек открывает ворота, смело идет навстречу дракону, протягивает ему руку дружбы и пытается пробудить в нем человеческие чувства. Но дракон выдыхает пламя из пасти, и бумажный человечек превращается в горстку пепла.

Представим теперь другой игрушечный замок с другим бумажным человечком, живущим со своими друзьями. Другой дракон с человеческим лицом в то же время приближается к замку. Бумажный человечек также открывает ворота и смело идет с крошечным мечом в руках навстречу дракону для того, чтобы вступить в борьбу с ним; но и этот бумажный человечек исчезает в огненном пламени.

Пусть оба дракона потеряли интерес к замкам после того, как бумажные человечки сгорели; таким образом, остальные обитатели замков остались живы. Каждый бумажный человечек канонизируется в своем замке, однако люди из другого замка придерживаются иного мнения. В первом замке бумажный человечек, протянувший руку дружбы дракону, считался героем, а во втором – слабым человеком, не нашедшим в себе мужества взяться за меч. Другой бумажный человечек, пытавшийся бороться против дракона, во втором замке считался героем, а в первом

– слабым человеком, не нашедшим в себе мужества выйти без меча.

Спрашивается: кто прав и кто не прав? Если задуматься на минуту, то станет ясно, что не существует рационального основания для предпочтения одной из этих двух точек зрения. Но и обе точки зрения одновременно невозможно принять.

Такова дилемма. Мы не можем ее разрешить. Но мы можем ее объяснить, используя нашу модель»⁷. Для создания модели, объясняющей существование противоположности оценок в притче о бумажном человечке и целом ряде житейских ситуаций (о которых речь пойдет впереди), нам осталось ввести содержательную интерпретацию комбинирования ситуаций с помощью операции *.

Эту операцию можно трактовать или как соединение, или разъединение ситуаций, к которым она применяется.

В первой этической системе соединение вещей, имеющих противоположную оценку, воспринимается негативно, а разъединение – позитивно.

Во второй этической системе дело обстоит противоположным образом: соединение «дурного» X и «хорошего» Y (например, компромисс дурных средств с хорошей целью) оценивается как хорошая ситуация, а их соединение – как плохая.

Поэтому в первой системе знак *, когда он обозначает соединение, соответствует логическому умножению связываемых им выражений, т.е. $1*0 = 0$, а, обозначая разъединение, соответствует логическому сложению. В этом случае $1*0 = 1$.

Во второй системе этот же знак становится умножением, если он выражает разъединение ситуаций X и Y . В этом случае $1*0 = 0$. Напротив, когда * выражает соединение, то $X*Y$ читается как $X+Y$ и тогда $1*0 = 1$.

Заметим теперь, что в любой этической системе порядочный человек стремится повысить статус собственного образа себя, то есть того, как он ведет себя в собственном представлении.

Рассмотрим выражение (1), описывающее поведение субъекта, наблюдающего образ себя и партнера, в свою очередь, воображающих себя и партнера.

Если знак * интерпретировать как +, то статус этого выражения окажется равным 0,570, а если как ·, то – 0,617. Выбор логического умножения повышает статус субъекта.

⁷ Lefebvre V. The Fundamental Structures of Human Reflexion, p. 25.

Образ самого субъекта на его планшете есть $a_1^{a_2 \cdot b_2}$. Статус выражения $a_1^{a_2 + b_2}$ равен 5/8, а статус выражения $a_1^{a_2 \cdot b_2}$ оказывается заметно большим – 7/8, ибо последнее выражение оценивается как «0» только при одной комбинации $a_1 = 0, a_2 = b_2 = 1$.

Правда, образ всей ситуации в целом оказывается несколько выше, когда * заменяется на +, а не на · (55/64 и 49/64). Итак, выражение комбинации $X \cdot Y$ как логического умножения $X \cdot Y$ дает более высокий статус субъекту и его образу себя, но несколько ухудшает образ ситуации в целом. Тем самым, выбрав умножение, а не сложение, субъект будет несколько больше страдать от негативной ситуации, но будет ощущать себя лучшим, чем в противном случае. (В этом выборе заключена очень важная идея.)

В первой этической системе такой выбор означает предпочтение соединения или компромисса, а во второй – разъединения или конфронтации. Этот результат объясняет характерные различия между советской и американской этическими системами, наблюдаемые В.А. Лефевром с сотрудниками. «Мы полагаем, что первая этическая система доминирует в американской культуре, вторая – в Советском Союзе. Эта гипотеза подтверждается многочисленными наблюдениями за поведением американцев и советских людей в сходных ситуациях, а также анализом художественной и политической литературы. Кроме того, автор данной статьи вместе с Викторией Лефевр провели специальное обследование среди американцев и эмигрантов, недавно покинувших Советский Союз. В ходе первой части эксперимента проверялись метаустановки: отвечающих попросили выразить свое согласие или несогласие с каждой из четырех пар утверждений. Первое утверждение в каждой паре содержало позитивную оценку соединения позитивного и негативного (использования «дурных» средств для достижения «благого» результата); второе утверждение содержало позитивную оценку их «разъединения»⁸. Испытуемым предлагались следующие дилеммы, каждая из которых формировалась как пара вопросов.

1. Должен ли врач скрыть от больного диагноз онкологического заболевания, чтобы уменьшить его страдания?
2. Должен ли преступник быть наказан более строго, чем предусматривает закон, дабы другим было неповадно?
3. Следует ли лжесвидетельствовать в суде ради спасения невинного?
4. Следует ли подсказывать другу на экзамене?

⁸ Ibid., p. 28.

Характерно, что эмигранты из СССР, отнюдь не считавшие себя подлинно советскими людьми, давали в отличие от настоящих американцев положительные ответы на эти вопросы. Это показывает, что различия двух этических систем достаточно глубоко проникают в структуру личности. Далее В. Лефевр пишет:

«Мы видим драматические различия между ответами американцев и советских людей. Большинство американцев негативно оценивали комбинацию добра и зла и позитивно – их разделение, в то время как большинство советских наоборот – позитивно оценили соединение добра и зла и негативно их разделение.

Другим группам людей предложили анкету с целью исследования и оценки компромиссного и, наоборот, конфронтационного поведения».

Предлагаемые вопросы таковы: 1) должен ли достойный человек в ситуации конфликта с наглцом стремиться к компромиссу? 2) группа террористов захватила небольшой самолет. Есть возможность их уничтожить, не нанеся ущерба никому из пассажиров. Другая возможность со стоит в том, чтобы сначала предложить террористам сдаться. Руководитель группы освобождения принял решение не вступать ни в какие переговоры с преступниками. Правильно ли он поступил?

«Большинство американцев одобрили поведение тех личностей, которые шли на компромисс, а большинство советских хвалили бескомпромиссное поведение. Таким образом, были получены экспериментальные подтверждения правильности предсказаний модели: в культурных сообществах, где большинство личностей негативно оценивают соединение добра и зла, предпочтение отдается личности, стремящейся к компромиссу (американцы), а в тех сообществах, в которых соединение добра и зла оценивается позитивно, предпочтение отдается личности с бескомпромиссным поведением (к этому ведет воспитание в советских условиях)...

Наличие двух этических систем можно обнаружить также в «Преступлении и наказании» Достоевского (подробный анализ – см. Lefebvre, *Algebra of con.* 1982). Этот роман легко поддается этическому анализу. Его сюжет имеет ясную и четкую структуру, детально описаны характеры героев: их поведение, настроения, нравы. Имя главного героя Раскольникова по-русски означает «раскол». В самом деле, он содержит в себе две личности, конфликтующие друг с другом в рамках одного человеческого существа. Одна личность негативно оценивает соединение добра и зла, но стремится к самоотверженному компромиссу с другими людьми. Другая личность позитивно оценивает соединение добра и зла, но стремится к конфронтации с другими, двумя действиям в противоположны полюсами, представлении две личности склоняют

Раскольников к действиям в противоположных направлениях, и он мечется между двумя полюсами, представленными Соней, самоотверженным героем первой этической системы, и Свидригайловым, непостижимым негодяем, персонифицирующим вторую этическую систему. Для того чтобы подчеркнуть «высшую чистоту» этих индивидуальностей, Достоевский противопоставляет им два «низших» характера: Лужин – христианин, склонный к конфронтации, слабая личность первой этической системы, и Лебезятников – социалист, стремящийся к союзу с другими людьми, слабая личность второй этической системы. Статус характера существен для Достоевского. В характеристике негодяя Свидригайлова мы явно чувствуем почтение к нему автора, в то время как в описании Лебезятникова имеется ирония и презрение. Создается впечатление, что Достоевский «вычисляет» статусы героев и выражает свое почтение герою более высокого статуса безотносительно к тому, к какой этической системе он принадлежит»⁹.

Математическая модель двух этических систем может создать впечатление их симметричности. Тем более, что в любом обществе встречаются представители обеих систем рефлексии этических оценок: вопрос лишь в том, какая из них доминирует в данном обществе. Однако это лишь кажущаяся симметрия. В действительности доминирование второй системы ведет к катастрофическим последствиям и в международных отношениях, и в развитии самого этноса. Если в этносе начинает преобладать вторая система этической рефлексии, это становится важным симптомом нарастающей антропологической катастрофы¹⁰, которая может иметь глобальные последствия. Хотя само наличие героев второй этической системы в известном смысле и в определенных дозах может быть «полезно» для общества, беда состоит в том, что общество с преобладанием второй этической системы начинает неминуемо уничтожать своих героев и тогда в ней оказываются доминирующими люди безнравственные и с точки зрения этой системы. Модель рефлексивной структуры позволяет тем самым использовать в сфере социальной диагностики. Впрочем, здесь развернутая цитата заведомо интересней пересказа:

«Самая страшная болезнь нашего времени – массовые уничтожения людей. По-видимому, это не связано с какой-то отдельной идеологией. Террор Сталина и Гитлера, массовые убийства в Китае, Иране, Камбодже осуществились в рамках различных языковых и культурных систем, различных идеологических и исторических традиций. Трудно найти рациональные основания этих массовых вспышек массового истребления людей. Такие доводы, как борьба за власть или же борьба против политической оппозиции, опровергаются многочисленными контрпри-

⁹ Ibid., p.28–29.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – Природа, 1988, No. 11. С. 57-65.

мерами. Вспышка массового самоуничтожения скорее напоминает эпидемию болезни, охватившую определенные культурные регионы. Нам не следует упрощать ситуацию и рассматривать подобные массовые убийства как результат деятельности небольшой группы людей: анализ массовых репрессий 1920-х–1930-х гг. в Советском Союзе свидетельствует о том, что значительная часть населения страны была вовлечена в данный процесс.

Каковы глубинные причины подобных катастроф? Мы можем предположить, что основания заложены во второй этической системе. Если в данной культуре начинает доминировать вторая этическая система, то эта культура становится беспомощной перед необходимостью разрешения внутренних конфликтов, естественных для общества. *В тех культурах, где доминирует вторая этическая система, не существует процедуры разрешения конфликта, сохраняющей достоинство обеих сторон.* Таким образом, конфликт не может быть разрешен: он заканчивается победой одной из сторон, или порядок наводят власти. В 1920–1930-х гг. вся жизнь Советского Союза складывалась из постоянных конфликтов всех со всеми. Поезда не приходили вовремя, потому что их машинисты не могли признать приоритет расписания. Разговор двух чиновников, иногда имевших при себе револьверы, напоминал военную конфронтацию. В 1930-х гг. система начинает реагировать на данную ситуацию: «гордые люди», герои второй этической системы, не шедшие на компромисс, истреблялись. Главной целью было не физическое уничтожение, а скорее трансформация личности: превращение героя в конформиста. Но в рамках второй этической системы это можно достичь только ценой снижения личностной самооценки, ценой деградации личности. Огромные лагеря, предназначенные для перевоспитания, генерировали «негордую», готовую к сотрудничеству личность второй этической системы. Был разработан и специальный «технический метод» личностной модификации. В 1930-х гг. в многочисленных тюрьмах Советского Союза было все: и ложные обвинения, и преднамеренные нарушения закона, и ложные свидетельства. *Единственная вещь, которая никогда не подделывалась, была подпись обвиняемого под признанием.* Следователи применяли страшные пытки только для того, чтобы заполучить эту подпись. По-видимому, эта подпись была подлинной целью всего процесса. Во время подписания личность переходила в другую категорию: герой превращался в обывателя, готового к унижительному сотрудничеству. Тех, кто не подписывал, физически истребляли. Сходные процессы имели место во Вьетнаме, Камбодже, Иране, где происходили и происходят массовые убийства.

Таким образом, мы располагаем основаниями для выдвижения гипотезы о том, что данные трагедии связаны с уничтожением героев второй этической системы в период стабилизации экономической и политической власти...

Вспомним, что символы $\cdot$ и $+$ не являются симметричными. Выбор первого из них связан с уменьшением чувства вины и возрастанием самооценки. Мы получили этот результат независимо от анализа стратегического аспекта частного конфликта.

В современной теории конфликта стратегический подход доминирует. Человек рассматривается как «игрок», стремящийся к максимизации своего выигрыша, которые предопределяется условиями «игры», внешними по отношению к человеку. В простых случаях эти условия могут быть представлены как платежные матрицы, а действия игроков – как отдельные стратегии. Психологические аспекты (если они имеются) рассматриваются через восприятия игроками внешней ситуации: например, одна и та же сумма денег может по-разному оцениваться разными игроками.

Однако наша «личность» имеет исключительно внутренние, а не утилитарные причины и предпочтения. И это крайне важно для анализа реальных ситуаций. Ведь кроме стратегического, международный конфликт имеет рефлексивно-этический аспект. Каждая сторона не только заботится о выигрыше, но стремится также улучшить свой образ в «собственных глазах и глазах других». Этот фактор позволяет объяснить психологический механизм иррационального и идеалистического поведения, который невозможно понять в рамках теоретико-игрового подхода.

Мы считаем, что конфликт имеет тенденцию к саморазрушению, только если обе стороны принадлежат первой этической системе: их самооценка возрастает, когда они идут на компромисс. Конфликт имеет тенденцию к нарастанию, если обе стороны принадлежат второй этической системе: компромисс может привести к снижению их самооценки. Если стороны принадлежат различным этическим системам, они начинают неверно истолковывать намерения и действия друг друга. Это приводит к возникновению проблем в международных отношениях, о чем свидетельствует история советско-американских отношений. Президент Соединенных Штатов называет противоположную сторону «империей зла», считая тем самым США «империей добра» и выражая таким образом идею отделения добра от зла. По другую сторону «железного занавеса» советские лидеры провозглашают принцип мирного сосуществования стран с различными политическими и экономическими режимами, т.е. они восхваляют соединение добра (социализма) и зла (капитализма). Таким образом, каждая сторона ведет себя в соответствии с принципами своей этической системы, касающимися соединения добра и зла. Когда же отношения персонифицируются, представители американской стороны настойчиво пытаются наладить персональное сотрудничество с представителями Советского Союза, демон-

стрируя, таким образом, свою добрую волю к компромиссу (что предполагается первой этической системой). Но советские представители ведут себя иначе: они стараются углубить и драматизировать любой конфликт, демонстрируя бескомпромиссное поведение (в полном соответствии с принципами второй этической системы).

Безусловно, в реально существующих международных отношениях стратегические интересы также играют важную роль, но роль этической асимметрии не должна преуменьшаться»¹¹.

Приятно заметить, что приведенная оценка советско-американских отношений сегодня во многом устарела, что отмечает сам автор и что подтверждается самим фактом публикации этих рассуждений, которые сами по себе устареть не могут. Хотелось бы также подчеркнуть, что характерными чертами нового политического мышления советских лидеров становится именно стремление к компромиссу на международной арене и нацеленность на преодоление конфликтных ситуаций внутри страны за счет достижения согласия (консенсуса) между общественными группировками и силами с различными ориентациями и взглядами.

Значение модели рефлексивной структуры, которую разработал В. А. Лефевр, далеко выходит за пределы рассмотрения этических систем. Эта модель хорошо применима к описанию биполярных выборов и осознания, изучаемых в концепции репертуарных решеток Келли¹². Последняя сегодня широко используется в инженерии знаний, т.е. в методах заполнения баз знаний и баз правил в современных экспертных системах. Применяемые В.А. Лефевром методики оценки статуса рефлексивных структур позволяют предсказать статистические свойства выборов, обнаруживаемые в психологических экспериментах. Эта сторона концепции В.А. Лефевра ярко проявилась именно в условиях США, где существует сильная традиция психометрических исследований.

Наличие столь разнообразных интерпретаций и приложений модели рефлексии, разработанной В.А. Лефевром, позволяет думать, что речь идет не о частной модели того или иного аспекта человеческой психики, но о характеризующей ее фундаментальной математической структуре.

Поступила в редакцию 01 декабря 2019 г. Дата публикации: 28 декабря 2019 г.

Сведения об авторе

¹¹ Lefebvre V. Цит. соч. С. 39-42.

¹² Kelly I.A. The Psychology of personal constructs. New York, Norton, 1955.

Шрейдер Юлий Анатольевич (1927-1998). Математик, кибернетик, философ, доктор философских наук, автор оригинальной этической концепции.

Ссылка для цитирования

Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания// Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 65-66, С.2 URL: <http://psystudy.ru>

Адрес статьи

<http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n65-66/1808-shreider65-66.html>